

Олег Кудрин

Отец и сын. И дух любви

Памяти Петра Тодоровского

Есть в мире вещи неслучайные. В один уик-энд (самое хлебное для кинопроката время) – 18 мая – умер Алексей Балабанов. А в следующий – 24 мая – ушел Петр Тодоровский. Это, конечно, не 2007 год, когда в один день (30 июля) мир покинули Антониони и Бергман, будто чтобы точнее зафиксировать смерть великого европейского кино, но все же...

Светотени столиц и провинций

Петр Ефимович и Алексей Октябринович. Жизнь и творчество одного оттеняют другого. Разные поколения, разное происхождение, такие разные отчества, судьбы и стили. Но было качество, что роднило и позволяло ставить их рядом, – абсолютная искренность, незаискивающая честность киноработ и жизни.

Они родом из двух нестоличных студий советской киноимперии – Одесской и Свердловской. По неотменимому закону империи должны были уехать в столицы, тоже разные, Москву и Питер. Со временем нонконформизм советский у обоих плавно перешел в постсоветский. Один сам сочинял музыку, другой с гениальной тарантиновской точностью суровой ниткой шивал чужие треки. На войну Тодоровского у Балабанова была своя «Война». А на святые, возвышенные фронтовые раны Петра Ефимовича у Алексея Октябриновича нашлись грязные побои в милиции. Оттого у первого трагедия всегда лирична, а у второго даже лирика всегда трагична. Оттого Тодоровский был экстравертно светел и улыбочив, по-курортному, по-одесски солнечен. А Балаба-

нов – интровертно, по-свердловски, индустриально, дымно мрачен; а улыбка его кино оказывалась едкой, как кислотный дождь. «Про уродов и людей» рассказывали и два «Брата», и «Кочегар», но более всего – «Груз 200». А «Морфий» не облегчал страдания, но лишь ставил окончательный диагноз. И всю эту гармоничную в своем хаосе, ужасе картину разрывали два крика нестерпимой сердечной боли: «Мне не больно!», «Я тоже хочу!».

Тодоровский же, у которого боли и ужаса было не меньше, все же врачевал (прекрасно притом понимая, что раны, нанесенные стране «проигранным XX веком», все равно неизлечимы). Лечил – даже одними своими названиями. Не «Война», но «Военно-полевой роман», не «Жмурки», но «Какая чудная игра», не «Кочегар», но «Фокусник». Потому что главное для него – «Любимая женщина...». И не обязательно механика Гаврилова. И не только режиссера Тодоровского. А просто любимая женщина, любовь и «Любовь» (это, правда, уже фильм его сына Валерия, но ведь и дети – продолжение творчества), верность и «Верность»...

Вечный двигатель режиссера

Если для Балабанова главным был сам пульс жизни, то для Тодоровского – и те, из-за кого этот пульс учащается. Солдатский фронтовой голод, вечная неутолимая тоска по женщине всю жизнь сочетались у него с довоенной, дофронтовой романтикой. С восхищением женщиной во всех ее ликах, от Богородицы до «Интердевочки», с миром и с Мирой Григорьевной (кстати, начиная с «Интердевочки» супруга была продюсером его фильмов). Умение Петра Ефимовича работать с актрисами, открывать их свету или давать вторую жизнь карьере также широко известно: Андрейченко и Гурченко, Яковлева и Розанова...

В последние годы Петр Ефимович соглашался на интервью редко. И мне тоже не раз подробно, логично, душевно объяснял по телефону, почему именно сейчас он дать интервью не сможет. При этом сказанного как раз на него и хватило бы. Но без спору выдавать произошедшую беседу за интервью было как-то неприлично.

А вот с разрешением – прилично и даже естественно, но это для близких, старых друзей. Таких, как кинокритик Валерий Семенович Кичин (кстати, уроженец Свердловска). К юбилеям, к премьерам, к наградам – всегда можно найти повод, чтобы оформить дружеский разговор как газетный материал. Но не простой разговор, а этак, статейку с умыслом. Начиная с 2005 года едва ли не в каждом материале о Тодоровском Кичин в своей «Российской газете» подробно рассказывал о главной нереализованной кино-мечте Петра Ефимовича. Пересказ этот смотрелся лукавством почти детским: «Ау, деньгодатели, отзовитесь! Посмотрите, какой сюжет пропадает!». Но никто не отзывался. И в последнем таком рассказе-призыве, прозвучавшем года два назад, Тодоровский горько резюмировал: «Это мечта моей жизни, но вряд ли ее удастся осуществить...».

Однако одесситам, по-моему, очень важно услышать это за-вещание режиссера – творческое, духовное, любовное. Ведь это о нас и о нашем городе. Я собрал все четыре варианта пересказа этого сюжета («РГ», 28.05.2005, 05.02.2008, 26.08.2010, 13.01.2011) и объединил их в один наиболее полный, развернутый.

«На углу маленькой площади»

Петр Тодоровский: «Я всю жизнь мечтаю о картине «На углу маленькой площади». Пока не сделал, потому что для нее нужно много денег – это ж только голубей надо будет снимать часами. Фильм про птиц, которые живут возле Одесской оперы и в ней самой. Голуби там ночуют, гнездятся среди колонн, на масках, на лепнине. И видят сверху человеческие страсти. А рядом, на площади, идет бурная жизнь: Морской музей, загс, садик «Пале-Рояль», где платаны, и голуби купаются в старинных фонтанчиках. Там начинаются знакомства, назначаются свидания. И там же рушатся судьбы. Летом окна театра распахнуты: звучит музыка, репетирует оркестр, расппеваются певцы... Дивное место. Вечером публика идет в театр, садится на свои места, голуби – на свои, и все слушают Чайковского, Глинку, Вагнера... Вот такая грубая схема: несколько человеческих новелл и одна голубиная семья – голубок и горлица...

Идея появилась так. На одном фильме заболел оператор, и я помогал снимать. Для съемок были куплены два вечера, и мы там снимали сцены из «Лебединого озера». Как-то раз по делу поднялся на самый верх, открыл окошко и увидел дивную картину: корабли на рейде, а передо мной на карнизе сидит голубка в гнезде, и под ней птенцы. И ходит рядом голубь: гур-гур-гур. Я представил: вот сейчас сюда прилетит другой голубь, и между ними начнется драка. Перья летят, а на сцене идет «Лебединое озеро», и Зигфрид бьется со Злым гением Ротбартом... Представляете, какие можно высекать замечательные контрапункты!

Я придумал историю про девушку, которая для заработка убирает квартиру у богатых людей, и про мальчика, который учится в хореографической школе. Это, в сущности, про Ромео и Джульетту, которые разделены социальными барьерами...

Можно снять две-три очень красивые новеллы. Это мечта моей жизни, но вряд ли ее удастся осуществить. Театр пережил ремонт, голубей разогнали трещотками, испортили замечательный садик со старинным фонтаном, где эти голуби купались».

И все же...

Да, последние слова Тодоровского звучат грустно, но ведь не все так безнадежно: и садик Пале-Рояль не до конца испортили, и голуби те кое-как живы. Так что, может, стоит восстановить их популяцию да прислушаться к словам Валерия Кичина: «Я представил такую картину и понял, что без нее биографию великого черноморского города нельзя считать полной». Может, стоит поднять этот проект на знамя и сделать его общегородской идефикс (как это было с памятником Бабелю). А если так случится, то такой крепкий продюсер, как Мира Тодоровская, и такой тонкий режиссер, как Валерий Тодоровский, в стороне ведь тоже не останутся.

Правда! Не нужно тут бронзы или меди. Фильм «На углу маленькой площади» стал бы лучшим памятником нашему любимому Петру Ефимовичу. (А Алексей Балабанов тоже, конечно, любим. И от его ухода сердце тоже болит. Но задумываться о памятнике ему должны в Екатеринбурге и екатеринбуржцы.)

Москва – Одесса

Фото Сергея Кальмыкова

